

АРИАДНА БОРИСОВА

ЗАПИСКИ ДЛЯ МОИХ ПОТОМКОВ-2

Ариадна Валентиновна Борисова
Записки для моих потомков – 2
Серия «Записки для
МОИХ ПОТОМКОВ», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25573407

*Записки для моих потомков – 2: Повесть в рассказах: [для ст. дошк. и мл. шк. возраста] / Ариадна Борисова, ил. Ольги Громовой: Настя и Никита; Москва; 2015
ISBN 978-5-906788-17-7*

Аннотация

Продолжение любившихся читателям записок девочки Валентинки охватывают события её жизни в городе с сентября до следующего лета. Валентинка ходит в школу, пытается прогуливать математику и испытывает ревность к новорождённой сестрёнке. А также заводит новых друзей, ищет ключи от счастья и попробует стать ходячей добродетелью.

Содержание

Нечестные слова	5
Математика как природа	18
Моя сестрёнка Анжелика	48
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ариадна Борисова

Записки для моих ПОТОМКОВ – 2

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с письменного согласия издательства.

© Борисова А. В., текст, 2015

© Громова О. Н., иллюстрации, 2015

© ООО «Издательство «Настя и Никита», 2015

* * *

Нечестные слова

К нам в гости пришёл папин друг дядя Саша. Взрослые сидели за столом и разговаривали, заедая свои слова пирожными. Я забеспокоилась: надо было придумать и сказать что-нибудь умное, иначе дядя Саша посчитает меня глупой. Ужасно трудно искать подходящие мысли и одновременно жевать с закрытым ртом, не роняя крошек. Когда нужно следить за собой, от еды не получаешь никакого удовольствия. Яблоко кажется намного вкуснее, если откусываешь от него большие куски, так что брызжет сладкий пахучий сок и раздаётся звук, похожий на скрип снега. Но взрослые этого не понимают. Поэтому приходится аккуратно отгрызать кро-

шечные кусочки, долго жевать и глотать не торопясь, чтобы не испортить желудок. При этом становится совершенно безразлично, яблоко это или бумага.

Недавно дядя Саша ездил в Англию. В общем-то, научиться разговаривать по-английски легко. Я ещё в пять лет умела отвечать, как меня зовут: «Майонез из Валя». Правда, тогда мне было непонятно, при чём тут майонез, а теперь я знаю все английские буквы и могу составить несложные предложения.

Дядя Саша сказал, что англичане вовсе не такие сухие, как о них говорят. Я, не подумав, спросила:

– Вы имеете в виду, что они немного мокрые?

Папа почему-то прикрылся газетой, но я всё равно заметила, как у него мелко-мелко затряслись плечи. У взрослых всегда так: стоит что-нибудь спросить, как они отправляют тебя спать или, в лучшем случае, начинают смеяться. Поводы для смеха у взрослых и детей разные.

Уж от их-то вопросов мне никогда не бывает смешно. Нет ничего веселого, если у тебя спрашивают: «Куда девалось земляничное варенье, оставленное для Нового года?», а ты знаешь, что никакого варенья больше нет. Потом приходится выслушивать разные неприятные слова. Как будто варенью не всё равно, когда его съедят.

И вообще, сегодня печальный день. Завтра я иду в школу. Лето кончилось...

У меня красивое новое платье-форма, но если по правде, я не люблю платья. Лучше всего носить футболку и шорты, в которых большие карманы – в них так много всего вмещается, а мама говорит, что я выгляжу как мальчишка. Она затянула мои волосы белым бантом, и уголки моих глаз поехали вверх. Я стала похожа на китайского болванчика, который стоит на бабушкином комодe.

У нас в классе появился новичок по имени Олег Степанов. Он рыжий, с веснушками, как у жирафки, и с пушистой головой. Когда мама ходит в парикмахерскую, ей делают такую же пушистую голову. Рыжего новичка посадили за мою парту, больше свободных мест не было. До этого я сидела одна.

Римма Анатольевна говорит, что мне ничего не сто́ит све-сти с ума любого послушного ребёнка. Я начертила на парте границу, отделяя свою территорию от новичка, а он обозвал меня душой. Конечно, такое стерпеть было невозможно. Я схватила пенал и стукнула его по лбу. Все мои карандаши и ручки весело разлетелись по классу. Новичок взял учебник и тоже ударил меня по голове, так что в глазах запрыгали солнечные зайчики. Это было красиво, но больно.

Римма Анатольевна выставила нас обоих из класса. В коридоре мы не стали драться. Неинтересно, когда никто не видит. В книгах пишут: «Она испепелила его взглядом». Я попробовала «испепелить» новичка, а он сказал, что я похожа на быка. Мне сделалось смешно, и мы расхохотались. Оказывается, новичок раньше жил в деревне. У них в семье была корова, были свиньи и куры, совсем как у моей бабушки. Я сразу перестала сердиться и первой подала ему руку:

– Меня зовут Валентинка.

Мы долго жали друг другу руки, пока он всё-таки не победил. Сегодня я съем все кислые витамины из пластиковой баночки и завтра сумею победить новичка.

На следующий день мы писали сочинение по картине. Там двое детей сидели на перевернутой лодке на берегу реки и смотрели вдаль. Рядом бегала симпатичная собачка. Римма Анатольевна сказала, что сочинение нужно писать от имени одного из героев картины. Только, по-моему, эти дети еще ничего геройского не совершили. Может, они собира-

лись спасти утопающего? Но на картине его не было видно.

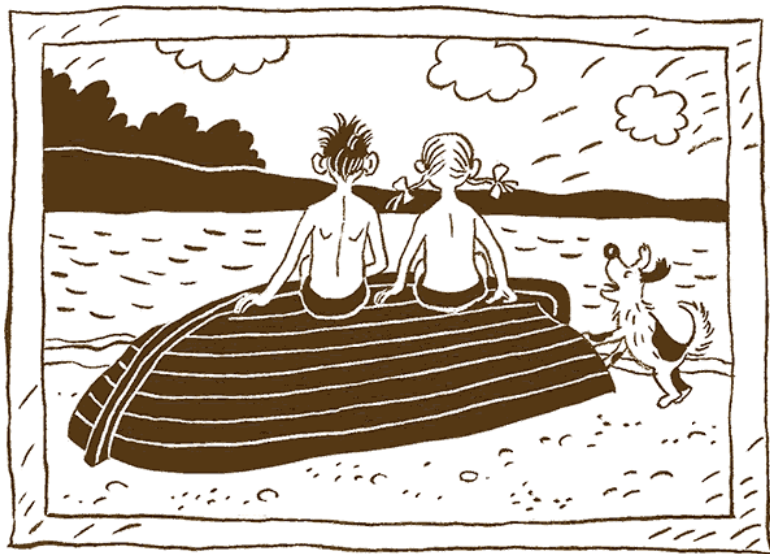

Летом мы купались и ныряли в озере. Там на дне растёт мягкая скользкая трава и живут хрупкие ракушки. Однажды я решила прыгнуть с мостика в глубину и, чтобы не утонуть, надела спасательный круг. Я прыгнула вниз головой, поздно сообразив, что мои ноги окажутся наверху, и застряла в этом

надувном круге, как пробка. Меня вытащили ребята.

От воды было ужасно больно, она защемила нос и виски. После этого я несколько дней не подходила к озеру. Но мальчишки убедили меня, что я никогда не стану матросом, если не справлюсь с трусостью. Я сразу бросилась в воду и от ужаса поплыла. Так я научилась плавать и скоро плавала не хуже остальных. Если корабль затонет, я, наверное, смогу продержаться в море целый день, надо только потренироваться в борьбе с акулами.

Обо всём этом я думала, глядя на картину. Ленка Сивцева уже старательно писала, высунув кончик языка. Новичок

тоже писал, даже вспотел под носом. Все сочиняли что-то своё. А я вспоминала, как мы летом играли в прятки и я присела под мостиком в озере. Моё сердце стучало громко, как будильник, когда по мостику прямо над моей головой кто-то мелко застучал сандалиями. Но меня так и не нашли. Я сидела под мостиком, пока почти совсем не оглохла. В ушах плотно сидели водяные тампоны. Потом мы немного поиграли в больницу: Павлик был доктором, а я пришла к нему лечиться от глухоты.

Вообще-то ничего не слышать было не очень интересно. Я скакала то на одной, то на другой ноге, трясла головой и приговаривала: «Ушки-птички, набрали водички, отдайте обратно, мне неприятно». Тишина горячо лопнула, и в уши ворвался громкий-прегромкий шум, я даже испугалась немножко. Оказалось, это обыкновенный всегдашний шум, который человек обычно не замечает: шелест листьев, свист ветра и дыхание друзей. Я очень обрадовалась, и ребята тоже. Было только жаль, что я не научусь разговаривать пальцами, ведь теперь необходимость в этом отпала. Позже Васька принёс цветные стёклышки, мы ловили в них солнце и смотрели, как оно меняется у нас на глазах, становясь то зелёным, то голубым, как на другой планете... Глядя на картину, я представила, что это мои деревенские друзья сидят на перевёрнутой лодке возле хмурого осеннего озера, а рядом бегают бабушкина собака Мальва. И все они скучают о лете и обо мне...

В городе у меня нет верных друзей, которые, не задумываясь, отдали бы за меня свою жизнь. Да и я ни за что не захотела бы умереть, например, за Ленку Сивцеву. И тем более никогда не взяла бы её в разведчики. Она несправедливая и врушка, и может выдать тайну любого клада, стóит сунуть ей кулак под нос.

Прозвенел звонок, а я так и не написала ни строчки. И, конечно, Римма Анатольевна поставила мне двойку.

Когда на следующем уроке учительница начала зачитывать вслух одно из сочинений, рыжий новичок стал совсем красный и опустил голову к парте. Я поняла, что это его сочинение. А все кругом угорали от смеха.

«Я вилял хвостиком, – читала Римма Анатольевна, – смотрел на детей умными, преданными глазами, и лай у меня был звонкий и заливчатый».

Уши у новичка стали похожи на лепестки роз. Я не сразу сообразила, что писал он от имени собачки.

«Я умею ждать... Жду и тревожусь, а хозяина всё нет. Вдруг дети закричали: «Папа, папа!», и на песок ступил красивый человек.

Это был мой хозяин. Я прыгнул и лизнул его в суровое обветренное лицо. Пели птицы, пахли травы. Я всё-таки дождался. Я был здорово навеселё!»

Римма Анатольевна принялась объяснять слово «навеселе». Оказывается, это значит быть пьяным. Все смеялись,

как безумные.

Можно прочесть смешно всё что угодно. Папа научил меня такой игре: надо придумать какой-нибудь вопрос, а потом читать любые газетные заголовки как ответ. Получается очень смешно. А когда Римма Анатольевна читала сочинение новичка, мне ни капельки смешно не было.

Взрослые слова – как игра в испорченный телефон. С одной стороны слышится одно, а с другой – получается другое. У папиного друга, который собирает старинные вещи, есть шарманка. Это такой музыкальный ящик. Я где-то слышала выражение «сыграть в ящик» и спросила папиного друга, когда он собирается это сделать. Мне очень хотелось послушать шарманкину музыку. Он сначала удивился, а потом долго смеялся. Мне объяснили, что «сыграть в ящик» – это значит умереть. Тогда я тоже обиделась на эти нечестные взрослые слова.

Мне стало жаль новичка. Я вдруг поняла, что он мне нравится, и сильно захотелось чем-нибудь досадить Римме Анатольевне. Если в бутылку из-под шампанского бросать рублёвые монетки, под конец накопится две тысячи рублей, это я узнала от знакомых студентов. Я уже бросила в бутылку три таких монетки. Как только у меня будут большие деньги, я куплю на базаре удава. Мама говорит, что там можно купить практически всё. Я выдрессирую это благородное животное, чтобы оно, как Каа из книги о Маугли, загипнотизировало Римму Анатольевну.

Началась перемена, и новичок куда-то убежал. Я нашла его под лестницей. Он плакал, упёршись лбом в перевёрнутую вверх головой швабру. Я тронула новичка за плечо. Он повернулся ко мне и злым шёпотом сказал, чтобы я не лезла к нему. Мы опять чуть не подрались, но потом помирились.

Я больше не хочу звать Олега новичком. Я поняла, что буду с ним дружить и, возможно, когда-нибудь отдам за него свою жизнь.

Математика как природа

Выпал первый снег. Он хрустит под ногами так, словно кто-то ест огурец, и пахнет на улице вкусно и свежо, как огурцами. Только жаль, что первый снег недолго задерживается. Его затаптывают, и снег превращается в грязь. Так бывает с первым снегом и со вторым, пока не выпадет третий и не заставит солнце и людей поверить в то, что пришла зима. Первый снег – настоящий герой, он знает, что погибнет, но всё равно идёт. Зато когда наступит весна, он станет самым первым весёлым ручейком и разбудит землю.

Я думала об этом, глядя в окно на уроке математики. Математика – самый противный предмет в школе. Раньше я не

знала, что уроки называются предметами, будто какие-то вещи. Соседка Оля однажды спросила меня, какой предмет в школе мне нравится больше всего. И я ответила, что нравится череп в классе анатомии у старшеклассников. Взрослые надо мной посмеялись. Вот если бы меня сейчас спросили, какой предмет в школе мне не нравится, я бы ответила: «Математика».

Наша учительница заболела, поэтому временно уроки математики у нас ведёт Юрий Михайлович, хотя вообще-то он никакой не учитель, а директор школы. У Юрия Михайловича голова лысая, только по бокам немножко волосатая. Наверное, когда он был маленьким, его из-за этого сильно дразнили. Зато ему не надо покупать разных дорогих шампуней и зонтика – вытер голову тряпочкой и пошёл.

Когда Юрий Михайлович вызывает меня к доске и выслушивает мои ответы, вид у него такой, будто он только что съел что-то невкусное. Я же не виновата, что у меня нет способностей к математике. Чем учить таблицу умножения, я бы лучше выучила наизусть пятьдесят штук стихов. А вот Олегу математика нравится, и он говорит, что, наоборот, лучше выучил бы пятьдесят раз таблицу умножения, чем одно стихотворение.

Бабушка прислала мне из деревни маленький подарок. На пакетике было написано: «Дорогая внученька! Купила тебе калькулятор для математики, чтобы ты училась хорошо и радовала меня, папу и маму». На калькуляторе решать приме-

ры и задачи, конечно, интереснее и легче. Но папа спрятал бабушкин подарок и сказал, что я должна учиться думать собственной головой, а не надеяться на электронику.

А я и так много думаю. И как раз когда я сидела на уроке математики, смотрела в окно и думала обо всём на свете, Юрий Михайлович вызвал меня к доске.

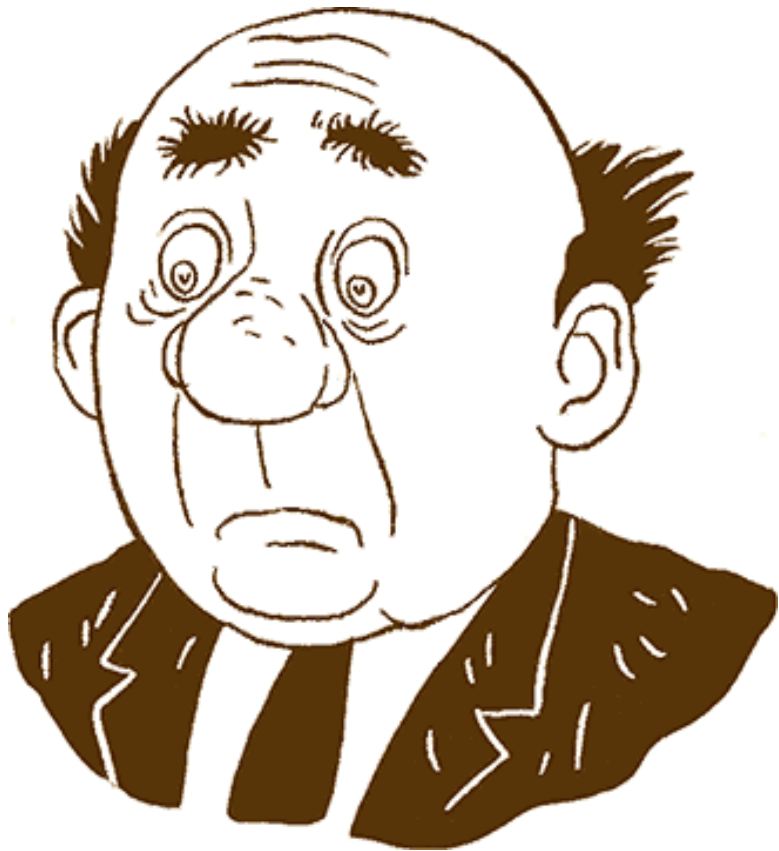
– Вот тебе задача, Валентина: решил один человек сшить себе костюмы. На пять одинаковых костюмов пошло пятнадцать метров ткани шириной метр с половиной. Сколько таких костюмов можно сшить из двадцати четырёх метров?

Мне было совсем неинтересно думать о человеке, который все деньги истратил на какие-то костюмы, хотя мог купить массу других полезных вещей. И зачем ему столько одежды? Но надо было что-то отвечать, и я на всякий случай предположила:

– Наверное, двадцать?

– Допустим, – вздохнул Юрий Михайлович. – Тогда объясни нам, пожалуйста, каким образом из двадцати четырёх метров ткани может получиться двадцать костюмов.

– Ну, так вышло, – сказала я, – раз ему много надо. Люди ведь жадные от природы.

Брови у Юрия Михайловича поползли вверх по лбу, как две толстые лохматые гусеницы. И он велел мне нести дневник.

– Вот незадача с задачей, – произнёс он. – Печально, что

природа так нелепо распоряжается порой своими дарами. Я ставлю двойку. Ведь тебе, очевидно, много не надо...

И он поставил мне жирную двойку. В принципе, это было не так уж страшно. Подумаешь, двойка. Они у меня по математике уже были. Олег поможет, и я исправлю.

Я шла из школы и размышляла о Юрии Михайловиче. Надо же, сам лысый, а брови лохматые. Лучше бы они у него на затылке выросли, где волос нет. Природа иногда действительно совсем неправильно распределяет свои дары. Или, к примеру, гусеницы. Они же вредители. Хотя, правда, из них потом получаются красивые бабочки... Я думала весь вечер и пришла к выводу, что большей частью природа права.

– Всё на земле устроено как надо, – подтвердил Олег утром по дороге в школу. – Вот, например, иней на окнах. Казалось бы, зачем? А потому что красиво!

Когда начался урок математики, я спохватилась, что из-за дум о природе не выполнила домашнего задания. В тетради тоже появилась двойка. К тому же завтра по математике контрольная... Я совсем приуныла. Папа обещал в воскресенье повести меня в цирк, а теперь, видно, не поведёт. Я ужасно люблю цирк: там клоуны, фокусники и жонглёры, и красивые девушки в блестящих трико́. Билет в цирк я не поменяла бы даже на пятёрку за контрольную.

Вечером мы с Олегом долго размышляли, как мне быть. Я решила прогулять контрольную, но с уважительной причиной, и подговорила Олега, чтобы он из своего дома позво-

нил по телефону в школу с утра и сказал грубым взрослым голосом, будто я больна.

Олег несколько раз потренировался:

– Юрий Михайлович, извините, Габышева Валентина сегодня не сможет прийти на уроки. Потому что она больная, у неё температура.

Если Юрий Михайлович спросит, чем я больна, Олег скажет, что у меня, кажется, началась сердечная недостаточность. У моей бабушки сердечная недостаточность, я знаю, что это серьёзная болезнь. Олег всё выучил наизусть и пошёл домой.

На следующий день я, как всегда, собралась в школу, но отправилась в парк. Было холодно, дул ветер. Я очень скоро замёрзла и долго качалась на качелях, чтобы согреться. Но когда качаешься одна, приходится стоять на качелях посередине, они двигаются еле-еле, и это совсем неинтересно. Потом я ещё немного побродила по безлюдному парку и пошла на базар. На базаре людей – куча! Я постояла возле игрушек, совершенно окоченела и решила покататься на автобусе. Поездила туда-сюда, и мне это в конце концов тоже надоело. Оказывается, плохо, когда время девать некуда. А в школе скоро большая перемена, и в буфете будут продавать свежие булочки с молоком... Наверное, природа права насчёт пользы математики, но мне-то от этого не легче!

Я остановилась возле витрины какого-то магазина. Там были разложены разные вкусные вещи. Я невольно проглотила слюнки. Мне вдруг стало до слёз обидно, что все ходят такие хлопотливые и равнодушные и никому на целом свете нет до меня никакого дела. Хотелось есть, живот урчал, словно котёнок. И я решила продать свой новый ранец, а учебники пока положить в пакет для сменной обуви. Маме я скажу, что ранец украли. Ведь воры крадут самые разные вещи, и ранец не исключение. А в школу буду носить свой прошлогодний. Правда, в нём дырка и все ручки вываливаются, но можно чем-нибудь заткнуть. А так он вполне приличный. Я вырвала листок из тетрадки, написала большими

буквами «Продаётся ранец» и поехала на базар.

Почему-то ко мне долго никто не подходил. Я устала от ожидания и прислушалась, как торгуют другие. Тётенька напротив весело кричала:

– Покупайте шапки! Совсем недорого! Всего полторы прощу! Скоро сезон, дешевле не купите!

Рядом кто-то нахваливал:

– Пирожки! Вкусные, капустные!

Я опять проглотила слюнки. Прикинула, сколько может стоить ранец, и тоже принялась зазывать покупателей:

– Покупайте ранец! Всего полторы прощу! Сейчас сезон, дешевле не купите!

Возле меня остановилась тётенька в берете и сказала:

– Что же ты, девочка, так дорого ранец ценишь? Ему пятьсот рублей красная цена.

Я испугалась и стала кричать:

– Всего пятьсот прощу!

Мне было до ужаса холодно, но ещё ужаснее хотелось, чтобы ранец поскорее купили. Я совсем уже охрипла и стала

потихоньку превращаться в сосульку, и тут ко мне снова подошла тётенька в берете. Она, видимо, обошла базар и уже шла домой.

– Так ты ещё не продала свой ранец?

– Нет...

– А зачем ты его продаёшь? Почему ты не в школе? Или у тебя занятия после обеда? – любопытничала тётенька. Из её сумки выглядывала толстая колбаса. Мне почудился мясной чесночный запах. От голода у меня закружилась голова, и я решила разжалобить тётеньку. Может, она даст немного денег. Я опустила глаза и сказала:

– У нас очень бедная семья. Папа сильно болеет. У него сердечная недостаточность. И мама тоже болеет. У нас совсем нет денег. А им нужны лекарства. Мне некогда учиться, я вынуждена заниматься торговлей.

Тётенька жалостливо посмотрела на меня.

– Пойдём со мной, – пригласила она, – я тут недалеко живу, – и повела меня к себе домой.

Когда мы сидели с доброй тёенькой в тёплой кухне, она угощала меня сырниками и коржиками, а мне почему-то кусок не шёл в горло, хотя до этого я была очень голодна. Она велела мне рассказать всё подробнее. Я так завралась, что чуть не расплакалась от страха. Тёенька, наверное, подумала, что я жалею своих родителей, погладила меня по голове и спросила, где я живу. Вот тут-то фантазия меня и подвела: я выдала ей свой настоящий адрес. Она проводила меня до своего двора и дала с собой коржиков.

Как раз закончились уроки, и я пошла домой. На душе у меня было тяжело, даже ранец казался непривычно тяжё-

лым. А может, его тянули вниз завиральские коржики... Во дворе я отдала их мальчишкам.

– Ну, как в школе? – с тревогой спросила мама, заметив мое несчастное лицо. – На уроках не шалила?

– Нет, не шалила, – ответила я. Уж это-то была чистая правда.

Пришёл Олег. Он был в панике. Оказалось, он сделал всё так, как я велела, но Юрий Михайлович спросил, кто звонит. А когда Олег ответил, что звонит Валентинкин папа, он попросил его (то есть папу) зайти в школу. Катастрофа! Мы опять сели думать. Олег сказал, что мне лучше завтра пойти на уроки и, раз терять нечего, снова соврать, будто я выздоровела, но нечаянно заразила папу. Ведь все болезни в основном заразные. Поэтому папа не сможет прийти в школу. А потом мы ещё что-нибудь придумаем.

Так я и сделала. Юрий Михайлович вроде бы поверил и сказал:

– Ладно, подождём, пока поправится.

Всё-таки двойку по контрольной он мне почему-то поставил. Это было странно, но я, конечно, возмущаться не стала. Скоро папа будет проверять дневник. Как я покажу ему эти жирные двойки? Сколько ни прибавляй, четвёрки из них все равно не получится...

Мы шли с Олежкой, и он давал мне всякие советы:

– Скажи, что на тебя напали грабители и отобрали дневник... Нет, не поверят. Или поспорь с папой, сможет ли он расписаться с закрытыми глазами... Нет, опять не подойдёт. Или давай я пока дам тебе свой дневник?

Но мне так надоело врать!

– Дурак, он же может посмотреть на обложку! – крикнула я. А Олег обиделся и ушёл. Ну и пусть...

Дома меня ждали неприятности. Мама затеяла стирку и

увидела моё испорченное платье. Я нечаянно залила его папиной разноцветной тушью для чертежей, когда думала о природе и рисовала бабочек. Папа раскричался так сильно, что мама всё-таки за меня заступилась и сказала:

– Сергей, сдерживайся. Ты в последнее время стал какой-то нервный.

Папа снова закричал:

– Это я-то нервный?! Другой бы на моём месте её давно выпорол!

Весь вечер он время от времени твердил:

– Вот нервного нашли! Никакой я не нервный...

Его настроение улучшилось только после ужина. Когда мама мыла посуду, папа подошёл к ней, поцеловал в шею и тихо сказал:

– Моя девочка...

Мама шлёпнула его по руке кухонным полотенцем и засмеялась. Ну прямо как маленькие!

Тут я быстренько достала дневник и спросила:

– Пап, а ты точно не нервный?

– С психикой у меня всё в порядке, – подтвердил папа.

– Тогда распишись, – сказала я и подала ему дневник.

Папа расписался, не дрогнув лицом, потом медленно повернулся ко мне и сказал спокойным размеренным голосом:

– Нет, я не нервный... – и вдруг как закричит: – Никаких цирков! Никаких «гулять»! К компьютеру близко не подходить! И к телевизору! Математика, математика и ещё раз ма-

тематика! И всё!!!

Наступила суббота. Мне не нужно было идти в школу. Какое счастье! Но папа, видимо, решил взяться за математику

основательно и стал сам выдумывать разные задачи:

– Вот, дочка, представь, была бы у нас большая семья. И покупали бы мы каждый день много хлеба.

Целых семь буханок. А каждая буханка сейчас сто́ит двадцать пять рублей. Так сколько бы нам пришлось платить за семь штук?

Я пошла в комнату решать задачу, а тут как раз явился дядя Саша и папу от меня отвлек. Мама стала собирать на стол, обнаружила, что дома нет хлеба, и отправила меня в магазин.

Я подошла к тётеньке в кассе и сказала:

– Посчитайте мне, пожалуйста, за семь буханок хлеба.

Она нажала на кнопки кассового аппарата и говорит:

– Сто семьдесят пять рублей. А зачем тебе так много хлеба? Ты и не донесёшь.

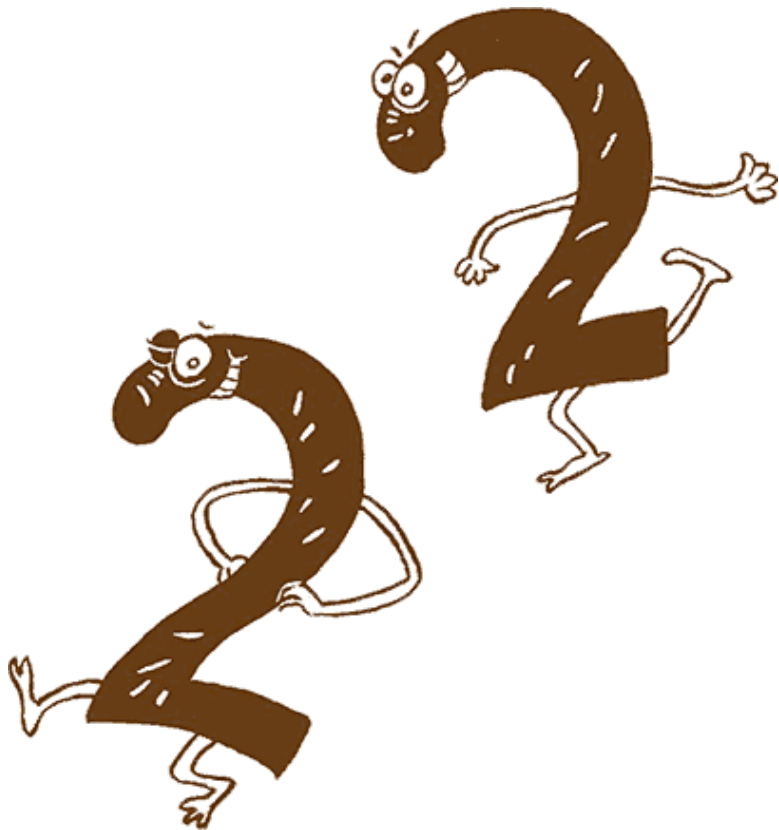
Я обрадовалась:

– Ой, спасибо! Мне так много не надо, мне только одну буханку! Кассирша пожала плечами, выбила чек, я взяла хлеб и весело побежала домой.

Папа играл с дядей Сашей в шахматы. Он увидел меня, хлопнул себя по лбу и вспомнил про задачу:

– Как наши математические успехи продвигаются?

– Сто семьдесят пять рублей! – выпалила я.

Папа был доволен. Он сказал, что, как только я исправлю двойки, мы пойдём в цирк. Но тут кто-то позвонил в дверь, и меня ударило недоброе предчувствие. Перед глазами поднялся туман... И в этом тумане возникло лицо той доброй

тётенки с базара. Я, наверное, потеряла сознание, потому что сразу же помчалась в свою комнату и залезла под кровать. Под кроватью было немножко пыльно. Пыль пахла перцем и щекоталась в носу.

Мне хотелось громко закричать и заплакать, но я сдерживалась изо всех сил.

Взрослые о чём-то говорили в передней, мне не было слышно. Потом входная дверь хлопнула, и в мою комнату вошёл папа. Он молча вытащил меня за руку из-под кровати и поставил перед собой.

– А ещё говоришь, что ты не нервный! – попыталась напомнить я.

Но папа будто оглох и продолжал молчать, пристально глядя на меня. Я поняла, что врать бесполезно и, плача, рассказала папе всё от начала до конца. Кроме Олежкиного звонка директору и того, что папу вызывают в школу. Язык не повернулся. Папа выслушал меня и молча вышел, закрыв дверь. Мне стало немного легче. Но ненадолго, ведь оказалось, что никто со мной не разговаривает. Они объявили мне бойкот. Я проплакала почти весь вечер. На следующий день повторилось то же самое, и вечером я опять плакала.

Утром в понедельник я плакала по дороге в школу. Я стояла за деревом возле школы и редела в три ручья. У меня даже голова заболела.

– Ты что тут делаешь? – послышался чей-то голос. Это был Юрий Михайлович.

– Плачу...

– О чём же ты, красна девица, плачешь? – засмеялся он.

– О математике...

Юрий Михайлович взял меня за руку и повёл в директорскую. По пути он заглянул в класс и вежливо сказал Римме Анатольевне (она, оказывается, уже вышла на работу):

– Извините, я задержу на один урок вашу ученицу. Сейчас ведь литература? Тогда ничего страшного.

Он посадил меня на стул напротив и участливо спросил:

– Как здоровье отца? Если не ошибаюсь, у вас наследственное заболевание сердца?

Я снова заревела, и он дал мне попить воды. Мои зубы стучали о стакан. В воду капали слёзы.

– Я вас обманула, – прорыдала я. – Папа у меня здоровый как бык.

– Ну-ну, успокойся. Ты же совсем не глупая девочка. Читала «Денискины рассказы»? Помнишь: «Тайное становится явным»?

– А если я боюсь!

– Чего ты боишься?

– Ва-а-а-ас... И математику...

– Что же это – мы такие страшные?

– Да-а-а... Вы мне всегда двойки ставите...

Юрий Михайлович вздохнул, повернулся к окну и тихо сказал:

– Снег идёт. Вот уже второй снегопад. Скоро зима... Мама моя её не любит, а я неплохо к зиме отношусь, без особых претензий.

Вот только в школу с утра идти неохота. Холодно, да и вообще... Я говорю маме: «Можно, я сегодня прогуляю? Скажу, что заболел. А то у меня там есть одна ученица, сил нет учить её, прямо беда». А мама мне: «Как не стыдно, это же неправда, ты совершенно здоров! Иди и учи!» Как в анекдоте получается...

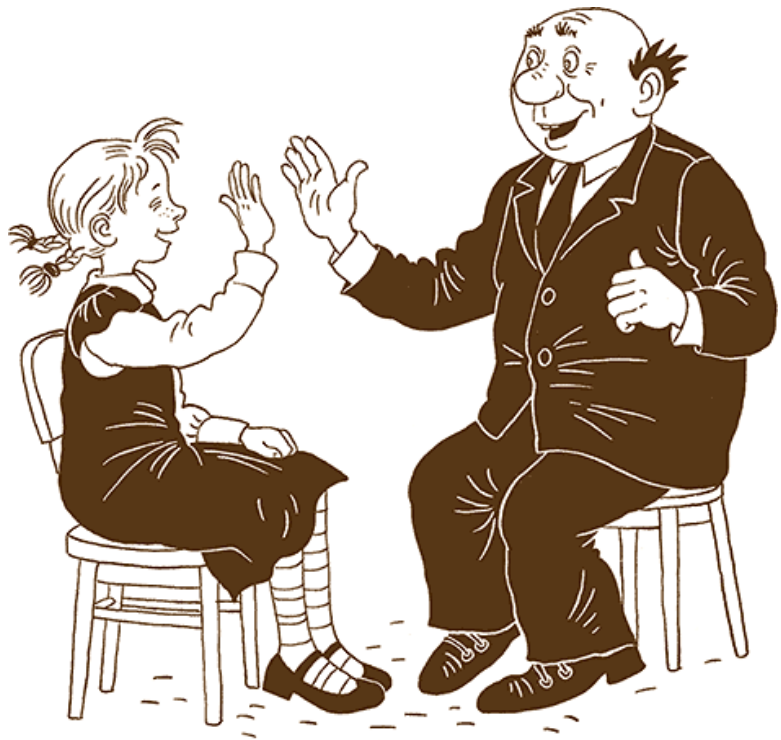
Пока он говорил, у меня пропало всякое желание плакать. Даже слёзы высохли на щеках. Мне стало жалко Юрия Михайловича. Директорам, конечно, совсем врать нельзя. Когда я вырасту, ни за что не соглашусь стать директором.

– Юрий Михайлович, а хотите, я больше не буду вас бояться?

– Очень хорошо, – обрадовался он. – Только тебе, Валентина, для этого надо будет математику учить. А я теперь всё знаю и не буду твоего папу в школу вызывать. Ты сама ему всю правду скажешь. Ну как, по рукам?

– По рукам!

И мы весело ударили ладонь об ладонь.

Моя сестрёнка Анжелика

Я понимаю, почему взрослые заводят себе ребёнка. Потому что им скучно, и никто не задаёт вопросов, и никто не просит купить игрушку или мороженое. Было бы странно, если бы мама вдруг начала просить папу купить ей игрушку. Все стали бы, наверное, смотреть на неё как на ненормальную. Вот почему ребёнок необходим. А ещё его можно нарядно одеть, завязать большие банты и взять с собой в гости. Все спрашивают тогда:

– Чьё это милое дитя?

А мама, очень довольная, отвечает:

– Это моя девочка.

И если я веду себя хорошо, мамыны подружки восторгаются:

– Вылитая мама, такая же симпатюлька!

Или:

– Ах, это папины глазки!

Но так было раньше, а теперь мне, наверное, придётся умереть, потому что у мамы с папой появился ещё ребёнок и я им стала уже не нужна. Когда покупают какую-нибудь вещь, её берегут, вытирают тряпочкой и думают: «Как хорошо, что она у меня есть!» Но потом вещь портится, и её безжалостно выбрасывают в мусор, а взамен покупают новую. Так случится и со мной.

Я принесла много горя своим родителям. Вот и вчера папу вызывали в школу за то, что я написала толстым фломастером на куртке Сашки Иванова из третьего «б»: «Нет коня – сядь на меня». Но папа-то здесь при чём? Просто Сашка каждый день дёргал меня за косички. Я не выдержала, взяла ножницы и отрезала обе косички, а потом спряталась в раздевалке, нашла Сашкину куртку и написала на ней про коня. Тут меня увидела Ленка Сивцева и наябедничала учительнице. Но ничего, сегодня я успела бросить в Ленкин портфель игрушечную мышку. Ленка боится грызунов, а эта мышь абсолютно как настоящая, её мне подарил Олег. Теперь Сашкина мама требует, чтобы её сыну купили новую куртку, потому что фломастер не отстирывается. А кто купит мне новые косички?..

Мама лежит в больнице. Папа ходит весь радостный и каждому сообщает, даже если его не спрашивают:

– Девочка! Четыре кило!

Ну и что? Я хоть и худая, вешу без двух килограммов тридцать, а никто и не думает этим хвастаться. Если бы они хоть мальчика завели, а то снова решили взять девочку, ну

прямо никакой фантазии!

Вчера Анастасия Павловна, наша соседка снизу, спросила меня: «Ну что, пелёнки стирать будешь?» Ещё чего! Пусть памперсы покупают. А может, они собираются поддержать меня дома для стирки и завёртки пелёнок на их нового ребёнка, чтобы сэкономить на памперсах? А потом, когда он сам научится в них заворачиваться, сдадут меня в детский дом?

Присматривать за мной иногда приходит соседка справа Оля, потому что папе некогда. Нужны деньги, он вечерами работает на своей другой работе, которая называется «халту́ра», а дядя Сеня как раз в командировке.

Оля уже взрослая, ей целых восемнадцать лет, но она ещё не женилась. Приходит и говорит: «Валентинка, ты пока по-

играй, а я сейчас приду». Будто я маленькая! Отсутствует она довольно долго.

Я вытаскиваю из её сумки блокнот и читаю, что она написала на этот раз. Я знаю, что нельзя читать чужие записи, но ведь блокнот из сумки всегда сам выглядывает. Он называется «дневник», а правильнее было бы назвать «ночник». Новая запись:

«Снова ночь. Я не сплю. Как я люблю тебя, Костя!» Я видела этого Костю. Он совсем некрасивый, у него под носом рыжие усы. Наверное, они скоро поженятся. Было бы здорово, если б у них родился ребёнок с усами. Я никогда не видела по-настоящему усатых детей.

Ленка говорит, что видела женщину с бородой, но, наверное, врёт. Она вообще большая врушка, а когда надо, не умеет соврать. Например, когда мы были помладше, я ей однажды сказала:

– Попроси у Анастасии Павловны конфет, она сегодня несла в прозрачном пакете целых три коробки. Только не говори, что я прошу, а будто твоей маме надо немного для гостей. Тогда она даст.

А дура Ленка пошла и ляпнула:

– Анастасия Павловна, Валентинка сказала, что моя мама просит у вас для гостей немного конфет.

И опять мне попало.

Вечером мы с папой ходили к маме в больницу. Нас почему-то не пустили. Мы разговаривали через окно. Мама бы-

ла вся светленькая, в белом халате и с белым лицом. Глаза у неё были усталые. Я подумала, что сильно люблю свою маму несмотря ни на что и, может быть, всё ей прощу.

– Я буду писать тебе из детского дома каждый день! – закричала я, и мой голос немножко задрожал.

Папа странно на меня посмотрел, дёрнул за руку и сказал:

– Не говори глупостей.

Тут принесли маленьких, и мама показала мне сестрёнку. Через окно было трудно её разглядеть, поэтому папа посадил меня к себе на плечо. Я увидела, что сестрёнка хорошенькая и глазки у неё закрываются, как у куклы. Наверное, родители правы: ради такого замечательного ребёнка можно без сожаления избавиться от неудавшегося первого. Я даже немного перестала обижаться, потому что мне стало как-то гордо за свою сестрёнку, ведь она такая красивая, как настоящий мотылёк в коконе.

Когда мы с папой шли домой, он вдруг спросил:

– А с чего ты взяла, что мы хотим сдать тебя в детдом?

Я ему объяснила и добавила, что уже не сержусь и надеюсь, что они каждый выходной будут привозить мне коробки с шоколадом и мороженым, мне это вполне подходит. Папа сначала засмеялся, а потом сказал, что так я им влечу в копеечку.

Мы пришли домой и включили телевизор. Как раз шёл футбол, но папа не стал его смотреть. Лицо у него было серьёзное и немного грустное.

– Ты ведь знаешь, что у меня есть старший брат дядя Костя? – спросил он. – В детстве мы были очень привязаны

друг к другу. Он всегда выручал меня и заступался, даже если я был виноват. Однажды я взял бабушкину икону Николая Чудотворца, отнёс её в хлев к хрюшкам и спрятал под корыто. Зачем – уже и не вспомню. Я был тогда маленький и глупый. Свинки каким-то образом икону вытащили, разорвали, оклад разломали. Бабушка показала улики деду. Дед, хоть сам в Бога не верил, бабушкину веру уважал. Призвали нас с Костей к ответу: «Кто?!» А надо сказать, что рука у деда была тяжёлая и ремень широкий. Доставалось нам нечасто, но основательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.